Александр Блок

Тридцать лет назад празднование столетия Блока производило двойственное впечатление*. С одной стороны – море научных публикаций, ведь Блока было интересно изучать – за ним угадывался полузапрещённый тогда серебряный век. С другой стороны – море пошлости, от слащавых концертов до бюстиков «под бронзу», сделанных по известной фотографии поэта, на которой тот в блузе с бантом. Шеренги бюстиков, от крошечных до полуметровых, стояли на прилавках, и напоминали одновременно матрёшек и кошек-копилок.

Затем занавес, прикрывавший серебряный век, был сорван. Какие имена, какие стихи вернулись из небытия! Николай Гумилёв, Георгий Иванов, Михаил Кузмин…Но и среди этих звёзд имя Блока не потеряло ни своего величия, ни своего блеска. Первый среди равных.

Прошло двадцать лет. Теперь Блок отодвинут в какое-то «наше советское прошлое». Был там Маяковский, где-то рядом - Есенин и Блок. Оба кудрявые. И все трое - советские поэты. Значит, читать не будем.

Напрасно. Во-первых, Блок не был советским поэтом – он умер в 1921, в СССР образовался в 1922. Во-вторых, интересно же проверить, насколько стихи этих поэтов соответствуют репутации очень хороших.

Боюсь, что нынешний юбилей поэта станет лишь темой для «жёлтой» прессы. Кстати, этот цвет Блок очень не любил, и писал через «о» - «жолтый». А ведь Александр Блок прежде всего человек, в личную жизнь которого не следует соваться с пошлой или грязной целью. Каким же он был человеком, например, в детстве?

«У поэта непременно должно быть очень счастливое детство. Или очень несчастное. Но никак не скучное, среднее, серое». Так считал современник Блока поэт Николай Гумилёв. Так вот, у Блока было удивительно счастливое детство, он сам писал об этом так:

«Он был заботой женщин нежной
От грубой жизни ограждён,
Летели годы безмятежно,
Как голубой весенний сон»
(«Возмездие»)

«Весь дитя добра и света», он рос, обожаемый матерью, дедом (Дидей), бабушкой, многочисленными тётушками.

Дед был ректором Петербургского университета, «довольно важным рылом», как он сам говаривал. Его приглашали обучать наследников царского престола, это при том, что он придерживался республиканских взглядов. Деду принадлежало небольшое подмосковное имение Шахматово. Именно здесь маленький Сашура проводил летние месяцы. Не финские болота, не туманы, не камни и стальные воды окрестностей Петербурга, а подмосковные светлые

леса были первыми детскими впечатлением Блока. И если считать детские впечатления самыми сильными, то Россия впервые явилась Блоку не холодным рафинированно европейским Петербургом, а русской усадьбой, с её крестьянами и господами, природой и бытом истинно русскими. Явилась и осталась навсегда.

Здесь маленький Сашура играл с двоюродными братьями в поезд и разбойников, строил, начав изучать древнюю историю, акведуки, дороги и термы Древнего Рима, устраивал скачки или просто отправлялся в дальние конные прогулки, прихватив с собой пару собак. Здесь он, полуторагодовалый, впервые встретил Любочку Менделееву, будущую Прекрасную Даму - профессору Менделееву принадлежала соседняя с Шахматовым усадьба Боблово. Сашура возвращался из леса вместе с Дидей. Они собирали растения для коллекции. В руках у Сашуры был букетик фиалок. Им навстречу шла жена Дмитрия Ивановича Менделеева с крошечной дочкой на руках. Сашура преподнёс малышке фиалки. Любочка букет приняла и отправила цветочки в рот.

Интересные нравы были в имении Бекетовых. Как-то ректор Петербургского университета застал вора в своём лесу. Крестьянин из соседней деревни срубил дерево, да вот вытащить его не мог – тяжело. Тогда дед Блока предложил свою помощь. Так и тащили бревно в деревню вдвоём, вор и хозяин, страшно смущённые оба…

Саша Блок с детства очень любил представления. Как-то мать застала такую картину в детской: Саша усадил на шкаф крошечную кузину, около шкафа поставил младшего двоюродного братишку. Они изображали Ромео и Джульетту. Саша говорил за них обоих сам. Когда мальчик подрос, решили ставить сцены из «Ромео и Джульетты» в парке. Саша - Ромео, Джульетта – одна из тётушек. Представьте себе, ночь, взошла луна, Джульетта на балконе, сооружённом Сашей собственными руками, коленопреклонённый Ромео… Всё идёт своим чередом, вдруг прямо на залитую лунным светом поляну вылезает огромный дворовый пёс Арапка и, виляя от счастья хвостом, лезет к Ромео целоваться…

И у Менделеевых в Боблове был домашний театр. Подросшие дети ставили в нём отрывки из различных детских пьес, затем захотелось сделать настоящий спектакль. Скоро к их компании присоединился юный сын соседей – Александр Блок. С появлением семнадцатилетнего Александра Блока в Бобловском театре началась новая эра. Репертуар был установлен самый классический: Пушкин, Грибоедов, Шекспир. Публику, кроме родственников и соседей составляли крестьяне соседних деревень. В представлении последних всё, что делается на сцене, должно быть смешно. Поэтому чем патетичнее была сцена, тем громче смеялись зрители. Некоторые зрители из деревенских принимали, происходящее на сцене, за реальность. После «Гамлета», где

Александр Блок изображал Гамлета, а Любочка Менделеева – Офелию, говорили: «Шахматовский барин-то как к нашей барышне-то, только шалишь, не на таковскую напал!»

Да, не на таковскую. Говорят, она была необыкновенно хороша в первом расцвете юности. Волосы её золотым плащом падали чуть ли не до земли…. Трудно было не влюбиться… Через три года они обвенчались. И что бы потом между ними не случалось, Блок говорил, что для него всегда существуют только две женщины – Люба и все остальные. Что бы там не писали журналисты, Любовь Дмитриевна была для Блока Прекрасной Дамой, Женой, Облачённой в Солнце. И не наше дело судить поэта. Лучше просто открыть любой том с его стихами и прочитать стихи, посвящённые ей, Прекрасной Даме поэта.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь

* статья написана в 2010 году